

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Что она хорошо помнила, так это метель. Настоящую, когда не видно неба и земли, а только белые клочки, которые кружат, превращаясь в мягкий платок. Удивительно, но в метель не было ни пронизывающего влажного холода, ни колючего мороза — уютный мягкий воздух и огромные хлопья.

С метелью приходила красота. Снег был отличным декоратором — исчезал хлам во дворах, грязь на дорожках превращалась в белые ткани, на крышах, ставнях, кольях забора и других выпуклостях лежали аппетитные снежные булки.

Алина очень любила метель. В какое бы время ни случались эти снегопады в их северных краях — будь то канун Нового года или середина апреля, — всегда возникало ощущение праздника. А в деревне его не хватало. Короткое лето не баловало красками, хмурую осень делали еще более мрачной темные еловые леса. А зима была белой, чистой и радостной.

Поводов огорчаться прибавилось, когда поселок, где было всего двадцать домов, собрались «отменить». То есть как населенный пункт он переставал существовать. Большинство жителей, словно только и ждали этого, быстро перебрались в город или в ближайшие крупные

села. И Алина Новгородцева с матерью и собакой Байкой остались практически одни. Нет, еще в конце улицы жил Юра Шелепихин. Но на того нельзя было ориентироваться — Юра всегда двигался против течения. Вот и теперь, когда большая часть местных уехала, получив солидные подъемные, он оставался в своей избушке.

— Я никуда не поеду. В другую деревню или в село я и не подумаю переезжать. Я в город хочу, но там мне не могут предложить ничего дельного.

Алина Новгородцева ничего не отвечала Юре, а ее мать только ругалась.

— Что ты творишь?! — выговаривала он Шелепихину. — Останешься без денег и жилья!

— Не останусь, я свои права знаю, — отвечал Юра.

Алине все это порядком уже надоело. Сил уже не было жить «на чемоданах», набирать воду из колодца, топить печь.

— Мама, почему у нас так неустроенно? Почти везде и газ есть, и вода в доме, и вообще все удобства, а в нашей дыре все так не по-человечески?! — иногда спрашивала она, хотя ответ давным-давно знала. Но мать не сердилась, она с каким-то удовольствием рассказывала дочери одну и ту же историю:

— Так здесь жить долго никто не собирался! Деревня из «временок» выросла. Вот, дорогу проложили, месторождение освоили — и уехали все те, кто сюда вербовался. Они же из больших городов приезжали. Поработать, дело сделать и денег добыть. Здесь же вообще никто никогда не жил на многие километры.

— Ну отчего же мы не уехали? Мы же тоже сюда приехали на время. А застряли на всю жизнь! — возмущалась Алина.

— Так случилось — ты родилась, а меня в школу позвали работать — у нас тут как раз детишки подросли у

всех. И школу-четырёхлетку открыли. А потом отец получил повышение здесь. И что?! Надо было все бросать?! Здесь же работа его любимая была!

Алина знала про отца — он начинал простым геодезистом, потом стал начальником управления. Мотался по всей области, Алина с матерью его ждали. И больше всего боялись этой самой метели — теплой, уютной, но очень коварной. Местные жители пересказывали все истории, когда машины заметало, а людей находили замерзшими. Еще Алина помнила разговоры родителей — они тогда обсуждали, как заработают здесь денег, вернуться в город и купят сразу квартиру себе и подрастающей дочери. Действительно, в этих местах платили щедро и честно — знали, что иначе люди здесь не останутся. И сбережения у семьи Новгородцевых увеличивались, и планы становились грандиознее. Вот только никуда они не уехали. Потому что Борис Иванович срочно вылетел на дальний участок, там у него сильно заболел бок. Он морщился, глотал таблетки, но к врачам не обращался. Когда же его вертолетом доставили в больницу, было поздно.

— Перитонит, — развел руками хирург, — видать, мужик был терпеливым. И неосторожным. Скорее всего боли его мучили давно.

Елена Владимировна убивалась так, что Алина за нее испугалась. Раньше она вообще не видела, чтобы мать плакала. Родители жили дружно, людьми были спокойными, дома не шумели, переживания не афишировали. Уход отца вдруг все перевернул. Оказалось, что без него и смысла во всей этой жизни нет. И ехать никуда не хочется и не нужно. Алина, слушая эти разговоры матери, немного обижалась. Ей было странно, что в своем горе мать забыла про дочь. А ведь у нее скоро десятый класс, экзамены, надо усиленно заниматься, ходить на

дополнительные занятия. Для этого всего надо перебраться в город. Тем более деньги есть. Но Елена Владимировна с места не двигалась. Алина всю неделю жила в школе-интернате, на выходные дни приезжала домой. И пыталась повлиять на мать, но та отмалчивалась. Она по-прежнему учила младшие классы, вечерами читала книжки и перебирала фотографии. Алина как-то устроила истерику, накричала на мать, а успокоившись, сказала:

— Мама, ты как хочешь, а я поступать поеду или в Москву, или в Петербург, в «Лесгафта». Знаешь, я же спортсменка, у меня даже есть награды. Это учтут.

— Как знаешь, — ответила Елена Владимировна.

Она не разделяла этого увлечения дочери — лыжи. «Тебе надо много читать, больше музыки слушать... А спорт... Это не профессия», — говорила она. Алина слушала, но продолжала ходить в секцию и ездить на соревнования. Она с малолетства бегала на лыжах — ее научил отец. Он же устраивал с ней шуточные соревнования, заставлял ее спускаться с самых крутых горок, которые образовались на старых месторождениях из отработанной породы. К пятнадцати годам Алине не было равных в округе — она была вынослива, чрезвычайно упорна и имела неплохую технику. На всех местных соревнованиях среди школьников первой была Алина.

Так случилось, что новость о том, что деревню ликвидируют, и приглашение Алине в юниорскую сборную пришли одновременно. И они вывели Елену Владимировну из ее состояния. То ли время горя само собой подошло к концу и его заслонили воспоминания о хорошем прошлом, то ли душа потребовала работы и усилий. Так или иначе, но мать занялась поисками квартиры, при этом во всем советовалась с дочерью.

— Если уезжать из этих мест, то только в Петербург! И поступать тебе лучше там. Вся моя родня жила в Петербурге, и сам бог велел туда вернуться.

Алина радовалась, что мать отошла от горя и они наконец будут жить в нормальных условиях с горячей водой. А с другой стороны, воображая эту новую предстоящую жизнь, она тут же задавалась вопросом: каково это, все время жить в городе? Постоянно находиться в огромном каменном пространстве, без леса в трех шагах, без мелкой ледяной и почти не замерзающей речушки, состоящей из одних ключей, без тишины снежных полей. Все-таки это был ее мир, ее суть. Мать чувствовала это раздвоение.

— Расставаться всегда тяжело. Будь это человек, дом или место. Но что делать — надо поступать в институт. В город перебираться. Человеку нужна цивилизация, — говорила Елена Владимировна.

— Да, конечно. Так и есть, — отвечала Алина, но на душе скребли кошки. Иногда она сама не знала, нужна ли ей цивилизация.

— Знаешь, дочка, я сама не могла уехать отсюда, но надо. У тебя вся жизнь впереди.

Мать очень точно уловила настроение Алины — нужен был простор и возможность выбора, но вместе с тем здесь оставалась часть ее души — детство, счастливое время, когда был жив отец.

— Мы можем купить небольшую квартиру, но, конечно, не в центре, а где-нибудь в историческом уголке, куда тоже любят приходить туристы. Представляешь, ты с соревнований приедешь, тебе отдых нужен, покой. Да и учиться продолжать надо. Тоже для этого условия необходимы. А Петербург — это прекрасное место для образования. Знаешь, я прямо вижу эту квартиру — удобную, светлую.

— Мама, во-первых, в Петербурге еще надо найти светлые комнаты и ясную погоду, — рассмеялась Алина, — а во-вторых, в отелях тоже удобно. Главное, чтобы новое жилье нам обоим нравилось. Чтобы тебе было хорошо. Сколько лет ты топила эту печку? Носила воду из колодца?

— Тяжело было иногда, но все равно, это такие были времена счастливые!

— Потому что с нами был папа. И вы были молодыми, — улыбнулась Алина.

Предчувствие перемен захватило их. Они часами изучали возможные варианты, смотрели карту города, разговаривали с риелторами. Алина была рядом с матерью, помогала ей во всем, но душу ее грел спорт. Именно он ее спасал в такой сложный для них момент. И Алина почувствовала, как славно преодолевать природу, себя, свой характер, собственные слабости. Куда-то далеко отходили недовольство, обиды, сомнения. На смену им являлись сила и уверенность. Победы в соревнованиях становились полноценной наградой и заставляли верить в себя. Алина была благодарна спорту и предавать его не собиралась.

И вот наступил май, потом июнь. В последних числах Алина приехала из интерната. Елена Владимировна собиралась вылететь в Петербург. Там ее ждали два варианта квартир — одна в районе Технологического института, вторая — на Черной речке. Алина помогла матери сложить чемодан и только вечером объявила:

— Мама, я ведь тоже уезжаю. С тобой. Поступать буду. А потом на сборы. Почти два месяца. Видишь, как получается все здорово — школу я окончила, в Петербурге мы будем вместе — и никого не надо просить. Мы с тобой вдвоем управимся.

— У вас же еще один экзамен?! — удивилась Елена Владимировна.

— Не хотела тебе говорить. Боялась сглазить — я его сдала экстерном. Очень хотелось попасть на сборы и с тобой поехать. Аттестат я получу уже в понедельник.

— И как же сдала последний экзамен? — строго спросила Елена Владимировна.

— На «четыре». У меня в аттестате сплошные четверки. Пятерок нет, но и троек тоже. Почти.

— Почти?

— Физика, — вздохнула Алина.

— А что это за сборы? Куда вы должны поехать? И как это сочетать с поступлением? Тебе же отдохнуть надо после экзаменов.

— На тренировках и отдохну. Сборы будут на нашей базе в Красноярске, а потом, не поверишь — в Альпы поедем. Там будем тренироваться.

— Там же горными лыжами в основном занимаются?

— Там отличная лыжня. Искусственная. Но у нас будет немного отдыха, общая физическая подготовка, бассейн. Одним словом, и полезное, и приятное.

— Вот это да! — порадовалась мать, но тут же спохватилась: — Я, конечно, управлюсь, но все же покупка квартир — такое дело!

— Да, его надо вместе делать. А я еще договорилась, на случай, если нам нужна будет помощь, — мне дала телефон наша завуч. У нее там знакомая, а у той муж когда-то риелтором был. Все ходы и выходы знает. Поможет во всем. Ну это если нам понадобится. Может, нам и не понравится то, что что мы с тобой нашли.

— А как же переезд... Собрать вещи здесь...

— Мама, кстати, ты же сама говорила, что у тебя там тоже знакомые есть? Одним словом, не пропадем. А от-

сюда мы возьмем только книги, одежду и фотографии. И потом, мам, зачем отсюда что-то везти. Самое главное — взять с собой Байку. Конечно, городская жизнь ей покажется несладкой, но не оставлять же ее здесь!

— Ты с ума сошла, как ты можешь так говорить! — возмутилась мать. — Байка переезжает вместе с нами. А пока мы будем квартиру смотреть, она поживет у Шелепихина.

— Да, Юра странный, но собаку ему доверить можно! Вот и отлично! Собака. Книги, фотографии и одежда. Все остальное купим на месте. Или ты купишь, — улыбнулась Алина.

— Дочка, ты ошибку не делаешь? Ну, профессию можно же нормальную выбрать?

— Мама, я очень люблю лыжи. И стану профессиональной спортсменкой. Я тебе обещаю.

— А как же институт..

— Мы уже это обсуждали. И чем тебе плох институт физкультуры?!

Елена Владимировна только развела руками.

Алина была бойким ребенком и выросла решительной девушкой. Характер у нее был спортивный — высоту брать не боялась, цели ставила трудные, упрямство проявляла завидное. То ли окружающий ее мир — бескрайние леса, поля и суровый климат — так повлиял на нее, то ли родители сумели воспитать в дочери бойцовские качества. Ее умение справляться с трудностями распространялось на все — училась ли она читать в детстве, падала ли, катаясь на лыжах, готовилась ли к контрольным по физике — предмету нелюбимому. Характер она проявляла и в отношениях со сверстниками. Алина была симпатичной девочкой — немного курносый нос, пухлые щеки с ямочками, остренький подбородок

и каштановые волосы средней длины. На взгляд парней она была хорошенькой, даже веснушки ее не портили. Но всегда находился кто-то, кто задевал ее смешным прозвищем или подсмеивался над не очень стройными ногами. «Зато они мне устойчивость на лыжне дают. Они сильные!» — говорила сама себе Алина, упрямо выпячивая острый подбородок в ответ на смешки.

В школе она была одной из тех, в кого не влюбляются мальчики, но с кем им удобно дружить. Алина была легка на подъем и склонна к проказам и авантюрам, запросто могла посоревноваться с мальчишками в спортивных дисциплинах и никогда не кокетничала. Она вела себя ровно и просто, а потому с ней было легко и удобно. В классе, да и во всем интернате, не нашлось мальчика, который бы ей понравился. Примерно до десятого класса Алина по этому поводу даже не расстраивалась, а потом вдруг все стали «тусоваться» — по поводу и без оно, ребята начали собираться кучками в своих комнатах в интернате, в ближайшем кафе, в теплое время — в соседнем сквере. Казалось, всем стало наплевать на предстоящие выпускные и вступительные экзамены, десятиклассники понимали, что очень скоро расстанутся навсегда, и поэтому хотели продлить беззаботность и веселье школьных лет. И тут оказалось, что в старших классах все давно разбилось на пары, только у Новгородцевой ее нет. И еще выяснилось, что все темы, которые так сблизжали ее с мальчишками, на этих тусовках совершенно не популярны.

Алина помнила, как праздновали «декабрины» — дни рождения тех, кто родился в декабре. Для этого в столовой интерната накрыли сдвинутые столы и наготовили всего вкусного. Еще пригласили местную группу, которая играла модные песни. Алина весь вечер просидела одна. Она с нарочито равнодушным видом иногда оглядывала

зал, но, убедившись, что все заняты танцами и друг другом, переводила взгляд на свою тарелку. Там в подтаявшем холодце намокал пирожок. Если бы она была дома, в деревне, она бы ушла с мероприятия минут через пять после официальной части. Но она находилась в интернате и могла только подняться на третий этаж и перейти в спальный корпус. Можно, конечно, было еще выйти на улицу. Но мела метель, и покидать интернат в такие дни школьникам запрещали. Поэтому пришлось делать вид, что у нее хороший аппетит, она просто занята своими делами и мыслями. Хотя Алина еще попытала удачу с Ветошкиным — одноклассником, который пробегал мимо.

— Глеб, слушай, а у тебя задачи по физике решены? — спросила она.

— Какие задачи? — спросил Ветошкин, не отрывая взгляда от танцующих в центре столовой.

— Иди уже, — отмахнулась Алина.

Она знала, что Глеб страшно ревнует Марину Ежову к Сашке Быстрову, поэтому вид Марины, танцующей с Быстрым, занимал его гораздо больше, чем дурацкие задачи по физике. «Господи, какой же идиот! Все равно Маринка с ним не будет, зачем так унижаться...» — зло подумала Алина, хотя Глеба стало жаль. Он был умным, спокойным и добрым. «А Быстров — козел и выскочка! — зло подумала Новгородцева. — Как Глеб не понимает: если Маринка выбрала этого уroda, то она сама такая же». Хотя Алина знала, что все не так, просто Ежова влюбилась в высокого и красивого Быстрова. К тому же Сашка был лучшим лыжником не только в команде интерната, но и в области, побеждал на всех местных соревнованиях и уже успел поучаствовать в общероссийских. Его, как и Алину, взяли в юниорскую сборную области, правда, со словами «это аванс, и надо приложить немало усилий, чтобы результаты росли».

Быстров был хорош собой. Но Алина чувствовала, что за привлекательной внешностью скрывается совсем не симпатичное нутро. Не то чтобы Новгородцева была хорошим психологом, просто она знала, как проявляется человек на соревнованиях. Как бы ты ни гнался за рекордами личными, работаешь ты на команду. А как раз этого Быстров делать не умел. Или не хотел. Алина подозревала, что в дружбе или в каких-то других отношениях этот человек поведет себя так же. Вот почему она презирала и Ежову, которая купилась на «фантик», и Ветошкина, который должен был понять ничтожность Ежовой, коль скоро та увлеклась таким сомнительным Быстровым.

Впрочем, в тот вечер «декабрин», когда все так отчаянно веселились, предвкушая новогодние праздники и каникулы, Алине было грустно. Она вдруг почувствовала, что что-то упустила. Оказалось, что, кроме лыж, школы, подруг и мамы, существует еще что-то — и это очень важно для нее.

Новгородцева на следующий день отпросилась домой. Ей теперь много вопросов не задавали — она была на особом счету в школе, как и Быстров. Классная руководительница сказала Алине:

— Поезжай, можешь уже не возвращаться — осталось три дня, а потом каникулы. Наверное, еще и на соревнования поедешь в середине января?

— Да, скорее всего...

— Вот и побудь с мамой...

Пока Алина добиралась до деревни, она себя уговаривала: «Что я так расстраиваюсь?! Вон как хорошо у нас все складывается — скоро мы с мамой переедем, и этот Быстров, и Ветошкин, и Ежова — все они забудутся... Какого черта я расстраиваюсь?» Но на душе было скверно.

Когда же она высадилась из автобуса и двинулась по улице, ей полегчало. По деревне недавно прошла метель. Та самая, которая все сглаживала, делала красивым, спокойным и очень уютным. И дом их стоял весь белый — и крыша, и ставни, и навес над крыльцом. Алина постояла, посмотрела на все это и вздохнула — то ли с облегчением, то ли с сожалением. Она понимала, что как и школа с одноклассниками, так и этот дом очень скоро останутся в прошлом. Только память и останется.

Елена Владимировна не ждала дочь сегодня, но в доме было нарядно, чисто, пахло мастикой, которой они натирали деревянные полы.

— Мам, что это за парадность такая?! — прокричала Алина, войдя в дом.

Елена Владимировна выглянула из маленькой комнаты.

— Как хорошо, что ты приехала! Отпустили пораньше? Вот это на руку — я потихоньку вещи разбираю. Столько всего накопилось! За всю-то жизнь!

Алина рассмеялась:

— Мама, ты же ничего не выбрасываешь! Я даже свои детские тапочки нашла. Они с дыркой на пальце, а ты их хранишь.

— Поэтому и храню. Маленькая была, ногой все время «загребала». Никто не мог понять, почему так ходишь.

— Но сейчас-то я нормально хожу?

— Так в одно мгновение перестала «загребать». Мы с папой посмотрели, как ты по двору идешь — а ты ровненько так ножки ставишь, словно по ниточке.

— Вот, бегаю на лыжах я точно так же — по ниточке. Даже тренер говорит, как стежок кладу.

— Способности у тебя. Отец еще подметил. Но мое отношение ты знаешь — я бы другую профессию для тебя хотела.

— Мама, вот я покатаюсь немного, съезжу на Олимпийские игры и буду учить детей. Стану тренером. Это отличная работа. Ты же педагог, понимаешь, что эти профессии — тренер и учитель — очень схожи!

— Понимаю, но ты вот врачом бы стать могла...

— Есть спортивные врачи, тоже интересно, — вздохнула Алина, — но я уже не потяну. Надо было раньше думать — учить нужные предметы.

— А я тебе говорила! — оживилась мать.

Елена Владимировна обрадовалась, что можно высказать свою точку зрения и хоть как-то повлиять на дочь, предупредить ее об ошибках.

— Мама...

— Нет, ты же разумная девочка, сама понимаешь, что когда-то совершила ошибку. Не училась как надо. Почему же ты сейчас не слушаешь советов? Упрямо стремишься в этот спорт...

Алина слушала мать и решала, огрызнуться сейчас или потом, позже, когда мать заговорит об отце. Елена Владимировна действительно частенько прибегала к авторитету покойного Бориса Ивановича, что ужасно злило дочь. Алине казалось, что половину назидательных историй мать выдумывает в педагогических целях.

— ...так вот, еще папа предупреждал...

— Мама, отстань! Сколько можно врать про папу?! Ничего такого он не говорил. Даже мне. А уж тебе и недавно. Он со мной всегда как со взрослой разговаривал. И я бы запомнила его слова. Ты все время придумываешь...

Елена Владимировна была хорошим педагогом, на реакцию дочери она обиделась, но во-вторых.

А во-первых, она обратила внимание на взвинченность Алины. «Что у нее случилось? — подумала мать. — Проблемы в школе? С тренером? Боится предстоящих соревнований? У нее бывает такая взвинченность накануне выступления». Вслух же она сказала:

— Алина, я рада, что мы решили переехать. Пора, пора...

— Я в интернате, тебе здесь тяжело одной, я понимаю. — Новгородцева вздохнула. — Мам, извини, я не специально. Просто так все странно... Была жизнь, а потом раз — и другая начнется... И еще, будут предлагать варианты, ты не думай долго, соглашайся...

— Конечно, не буду раздумывать. Но за меня не переживай, все-таки Юра Шелепихин рядом. У него собаки, у нас Байка. Хотя да, ночью здесь очень тревожно. Да и новости не самые радостные. Школа совсем закрывается. Мы только дела все оформляем, документацию готовим к расформированию учебного заведения. Вон, все мои коллеги уже живут кто где, на работу добираются по два-три часа. Еще месяц, другой — и школы не будет. Не только тебе поступать в институт предстоит, и мне надо на работу устраиваться.

— Вот именно! — согласилась Алина. — Так что, мама, капризничать не будем.

— Да, — согласилась Елена Владимировна и скрылась на кухне. Она поняла, что дочь отчего-то не в духе. А самый лучший способ разговорить ее — это вкусненькое что-то сделать. И хоть был готов обед, Елена Владимировна затеяла быстрые плюшки с шоколадом.

Алина тем временем пошла «топить душ». У них в ванной стоял огромный титан, воду в котором можно было подогреть, только протопив печь под ним. Обычно Алина это делала с удовольствием, но сегодня уютно стрекочущие поленья и разливающееся тепло не согре-

вали. Наоборот, вдруг опять проступила досада. «Надо уезжать, да поскорее... Здесь хорошо, все родное, но уже невозможно жить без горячей воды и нормального отопления!» — думала Новгородцева.

Алина помнила, как несколько лет подряд все жители деревни писали письма «в инстанции», чтобы им провели центральный газ. Из инстанций отвечали, что населенный пункт всегда был временным — только для рабочих и специалистов, работающих вахтовым методом. Сейчас все карьеры закрыты, оставлять жилым этот населенный пункт экономического смысла не имеет. Еще через пару лет стали разъезжаться жители, а вот в прошлом году всем разослали постановление о том, что деревня ликвидируется.

Новгородцева ворошила дровишки, прислушивалась к гудению титана и думала, что люди должны жить с удобствами. Алина подбросила в печку еще одно полено, отложила в сторону кочергу, впустила околачивающуюся в коридоре собаку Байку, уселась на низкую скамеечку и стала вспоминать вчерашний день: взбудораженного Ветошкина, Быстрова, который как-то неприлично обнимал в танце Марину Ежову, и еще почему-то свою тарелку с холодцом и намокшим пирожком. «Да при чем тут пирожок!» — вздохнула про себя Алина, но в душе все эти картинки связались в одно досадное целое. Новгородцева заставила себя вспомнить тренировки, последние соревнования, на которых победила, но это не помогло...

— Алина, ты там заснула? Прямо у титана?! — окликнула ее мать.

— Нет, я сижу и думаю, что очень вовремя мы решились на переезд. Сил нет топить титан и печку в комнате, носить воду. Пора жить как люди...

Елена Владимировна внимательно посмотрела на дочь:

— У тебя что-то случилось? В школе неприятности?

— Да все нормально у меня, — вздохнула Алина, — только уже что-то надо менять! Мам, мы же не можем навсегда остаться здесь. Тут же, кроме медведей, никого нет.

— Ну, во-первых, мы все с тобой решили, а во-вторых, медведей нет, их распугали, когда карьеры взрывали, — рассмеялась мать, — но ты огорчена чем-то. Расскажешь?

— Ничем не огорчена. Понимаешь, Ветошкин наш такой идиот! Он влюбился в Ежову, а та — в Быстрова. А он же противный, понтов у него больше, чем мозгов.

— Так в чем же дело? Считай, что Ветошкину повезло. Зачем ему эта самая Ежова, если ей нравится Быстров.

— О, я так тоже подумала. — Алина обрадовалась, что мать поняла ее с полуслова.

— А тебе кто нравится? Ветошкин или Быстров? — как бы невзначай спросила Елена Владимировна.

— Мам, ты с ума сошла! — фыркнула Алина. — Мне никто не нравится.

— Алина, ты зря думаешь, что я ничего не вижу, — улыбнулась мать, — тебе этот мальчик давно нравится. Чуть ли не с первого класса.

— Да нет же! С чего ты взяла?! Никогда!

— Алина, я помню, как ты во втором классе с ним подралась. Потом, в пятом, ты все приглашала его потанцевать. Мы же тогда устраивали вам вечера! Ну а в восьмом ты остригла волосы и все ждала его у школы.

Алина покраснела от этих разоблачений. Все было так. Быстров ей нравился все эти годы. И также всегда она думала, что этого никто не замечает.

— Мама, мне не до Быстрова! — со значением сказала Алина. — Когда я окончу школу, мне будет восем-

надцать лет. Понимаешь, мне надо попасть в сборную России. А для этого я должна еще «побегать» в юниорской страны. Представляешь, как я сейчас тренироваться должна?!

— Представляю, — вздохнула мать, — понимаю, ты уже сделала свой выбор. Но ты не должна всю свою жизнь под этот спорт подстраивать... надо учиться, читать, слушать музыку.. И... есть семья и дети... Любовь есть. Мы с твоим папой любили друг друга.

— Мам! — одернула ее Новгородцева, а когда мать замолчала, спросила: — Слушай, а у меня ноги очень кривые?

— Что? — Елена Владимировна сделала вид, что не поняла вопроса.

— Ну, ноги у меня некрасивые. Они такие устойчивые, сильные... Но...

— Знаешь, главное — устойчивые. Поверь мне, — ответила мать.

Алина все поняла. Она вздохнула, сдернула с крючка полотенце и повесила его на горячую трубу от титана. «Вытрусь теплым», — сказала сама себе.

Потом они обедали, пили чай с шоколадными плюшками и рассматривали фотографии, которые мать вытащила из альбома. Снимков было много — и праздничные, у елки, и в лесу на шашлыках, на реке. Были фотографии отца — подтянутый и серьезный, в белой рубашке, он что-то объяснял рабочим-геодезистам. Алина все это видела сотни раз, но не могла не уступить матери. Та, разглядывая знакомые лица, проживала заново счастливые дни.

— А знаешь, надо как следует елку нарядить, и вообще этот Новый год — последний в нашем доме. Надо его запомнить, — сказала вдруг Елена Владимировна и полезла за елочными игрушками.

Алина проводила ее взглядом. Ей было жалко мать, себя, этот дом и былую счастливую и безоблачную жизнь. В прошлом был отец. А как они справятся с этим переездом, с новой квартирой... Кто его знает... «Но нельзя обижать маму — Новый год мы отметим как полагается, даже лучше!» — решила она про себя.

Когда Алину взяли в юниорскую сборную области, в школе обрадовались. Во-первых, прибавилось славы, а во-вторых, отпала необходимость придумывать, как замаскировать частичную неуспеваемость будущей известной лыжницы (в том, что Алина станет известной спортсменкой, никто не сомневался). И если раньше тройки с натяжкой вызывали долгие нравоучения в учительской, то теперь педагоги лишь обменивались понимающими взглядами: «Конечно, у девочки такая нагрузка на сборах, а потом еще и соревнования... Можно закрыть глаза на невыученные уроки!» Алина между тем наслаждалась — ее фактически освободили от нелюбимых занятий и дали возможность все время посвящать лыжам.

Новгородцева относилась к категории людей-борцов. Она не любила отступать перед трудностями, а поговорку «...умный гору обойдет» считала правилом слабаков. И в лыжной секции, и потом в спортивной школе-интернате ее ставили в пример всем, кто пасовал при малейших признаках неудачи: «Учитесь у Новгородцевой. Вот вам человек, который считает себя сильнее любых обстоятельств. Поэтому и добивается успехов!»

Результаты у Алины действительно были прекрасные. Похвалы она заслуживала, но никто не задумывался, в чем причина ее упорства и самоотверженности. Знающие семью всегда ссылались на то, что Алину в спорт привел отец, он и был для нее примером. Это объяснение было верным, но лишь отчасти. Стремление

держат под контролем то, что нравится, было свойством характера, собственной личности.

А еще Алина Новгородцева была собственницей в самом прямом смысле слова. Она считала, что выбранный спорт — это ее личное дело, то, что принадлежит только ей, а потому она не могла потерпеть неудачу.

Это же относилось и к дружбе. В интернате у Алины была подруга Ира Кузнецова. Дружили они с первого класса, ссорились, мирились, но неизменным оставалось одно: Новгородцева никому не давала обижать Кузнецову — ни придирчивому учителю математики, ни шалопаюм из параллельного класса. Все бы ничего, но в ответ Алина требовала такого же отношения, то есть верности. А так случилось, что Ира Кузнецова была легомысленной. Классе в шестом она поссорилась с Алиной, и больше они никогда уже не помирились.

— Знаешь, эта твоя дружба — как старая жвачка. Наступила — не отодрать! — выпалила Ира в ответ на упреки Алины.

«А она дура! — сказала сама себе Новгородцева. — Я же ничего такого не сказала, просто потребовала, чтобы она с Евичкиными не ходила!»

В этой пустячной истории не только отразился нрав Алины, но и замаячила ее судьба.

— Ты к своим лыжам бережнее относишься, чем к людям, — сказала ей тогда мать.

Алина ответила:

— Лыжи меня не предадут. Они — только мои.

Итак, в конце июня они отправились смотреть квартиру. Собака Байка была определена к соседу Шелепихину, ей закупили любимый корм и на всякий случай три килограмма костей. Юре они сказали:

— Собака не должна голодать. Откажется кормить — свари бульон и мясо от костей отдели и покроши.

Шелепихин заверил, что Байка голодать не будет. Алина посмотрела на собаку, и сердце ее сжалось.

— Ты с нами уедешь и будешь жить в городе. Мы тебя не бросим, — погладила Алина Байку. Та уткнулась ей в ладонь. Новгородцева потянула мать за рукав.

— Мама, пойдем, я не могу так. Байку жалко.

Через два дня они вылетели в Петербург. Вернее, сначала добрались до Красноярска, а потом только сели в самолет, направляющийся в Санкт-Петербург.

Перемены в жизни — вещь неизбежная, полезная, заставляющая не только пересмотреть прошлое, но и с повышенным вниманием отнестись к своим планам на будущее. Только движение объективно, лишь сделав первый шаг, мы понимаем, что в наших планах возможная реальность, а что — фантазия, которая так и останется нереализованной. Так случилось с Алиной.

Когда самолет подлетал к Петербургу, она выглянула в иллюминатор, увидела россыпь озер и переплетения речушек и вдруг отчетливо поняла, что спортивная карьера — это прежде всего удаленность от дома и от матери. «Я шесть лет прожила в интернате, я месяцами пропадаю на сборах, я редко виделась с мамой. Разве я смогу сейчас, когда наша жизнь так меняется, быть далеко? Даже если я поступлю в институт, буду пропадать на сборах и соревнованиях. А я хочу быть дома, рядом с мамой, наладить эту жизнь. Это ведь тоже не так просто — переехать в город и начать все заново». Новгородцева вдруг поняла, что предпринимаемые ими шаги повлекут за собой пересмотр ее собственных планов. Елена Владимировна словно прочитала ее мысли:

— Знаешь, тревожно от перемен. Они и на тебе скажутся. Главное, чтобы твои планы не пострадали. У тебя ведь будущее. Так все говорили и в спортивной школе, и в федерации.

— Откуда ты знаешь, мама?

— Я разговаривала с твоим тренером. Советовалась, стоит ли тебе так упрямо оставаться в спорте.

— И что же тебе сказали? — Алина даже не рассердилась за такой тайный шаг.

— Вот это и сказали — способная, очень.

— Мама, мы не знаем, что ждет нас здесь. — Алина кивнула в сторону иллюминатора. — Как оно пойдет, так и будет.

Самолет покатился по полосе, подпрыгивая на стыках плит. Алина сидела на своем месте, наблюдая, как самые нетерпеливые пассажиры достают свой багаж. Бортпроводники ненадолго успокоили их, но уже через мгновение все опять засуетились. Вскоре самолет остановился, и к выходу подкатили трап.

Алина с матерью много вещей не брали. Самое необходимое на эту неделю, в которую должен был решиться вопрос с квартирой.

— Поедем на такси, перелет был тяжелым, — сказала Елена Владимировна,

— Да. — Алина глубоко вдохнула жаркий воздух. — И тепло так. А еще говорят, что город северный.

— Тут ветер. Он погоду определяет, — сказала мечтательно Елена Владимировна.

— Ты рада, что приехала сюда?

— Знаешь, я как будто и не уезжала, — вздохнула та.

А Алина подумала, что в их маленькой семье появилось новое действующее лицо — город Петербург, населенный воспоминаниями.

— Мама, мы правильное решение приняли. Мы должны жить здесь.

Пока они выезжали из Пулково и машина кружила по развязкам, Алина сидела, откинувшись назад и прикрыв глаза. Она не увидела пригородов, новостроек и тех безликих районов, которые могли относиться к любому большому городу. Очнулась она только тогда, когда услышала голос матери:

— Если вас не затруднит, давайте проедем через центр. Невский...

— Так это же какой круг! — изумился водитель и добавил: — Я, конечно, не против, мне же лучше, но...

— Поезжайте, я здесь не была очень много лет. А завтра мы уже будем делами заниматься и по городу ходить будет некогда, — улыбнулась Елена Владимировна.

Водитель пожал плечами и развернулся. Алина уже не закрывала глаз. Очень скоро они ехали по улицам с высокими и мрачными домами, мимо подворотен и проулков. Алина много читала про этот город, но никогда здесь не была. И поэтому чужие впечатления, по которым она судила о Петербурге, разбились вдребезги. Вместо них вдруг появилось собственное ощущение пейзажа за окном. Еще Алина присматривалась к толпе — улицы были запружены людьми. Казалось, что это демонстранты вышли и сейчас идут не в ногу.

— Летом здесь всегда так. Туристы. Отовсюду. По Невскому не ходят только ночью, — сказала Елена Владимировна.

— Ну, только если эта ночь — не белая, — включился в разговор водитель.

— Да, конечно. В это время еще больше людей.

— С ума сойти, — задумчиво сказал Алина, — это же совсем другая жизнь.

— Это и город и жизнь другие, — улыбнулась Елена Владимировна.

— Мама, а как же вы с папой могли уехать отсюда?

— Понимаешь, мы поженились, а жили с папиными родителями. Снимать комнату можно было, но здесь это всегда было сложно. А тут отцу предложили работу. Главное, жилье сразу обещали, дом. Представляешь? Дом. Отцу хотелось себя попробовать, он понимал, что сидеть в конторе какой-нибудь — интереса нет никакого. Он жаждал живой работы. Мы собрались в одно мгновение. Ты уже родилась там.

— А если бы я родилась здесь, ты представляешь, сколько возможностей у меня было бы?

Елена Владимировна с усмешкой посмотрела на Алину:

— Видишь, какая разница — отец считал, что возможности там. Ты считаешь, что — здесь.

— Речь, мама, идет о старте. У папы он был здесь.

— У него был так себе старт. Мог бы в хулиганах так и ходить. То джинсами фарцевал, то книжки перепродавал, а то на концерте подрался.

— Ого! — рассмеялась Алина. — Такая богатая история у семьи.

— Да, у нас тут много всякого намешано.

К отелю они подъехали не скоро — пробка на Троицком мосту была длинной и почти неподвижной. За то время, пока они ползли, Алина успела рассмотреть самые известные питерские виды — Петропавловскую крепость, мечеть, Ростральные колонны, извернувшись, она увидела Зимний дворец.

— Тебе повезло — в первый же день все сразу увидела! — рассмеялся таксист.

— Точно, повезло. — Алина почувствовала, что может расплакаться.

Ее охватило странное двойственное чувство. С одной стороны, она была потрясена городом и уже мысленно дала себе слово остаться здесь. Ее поразили улицы с домами-дворцами. Ей глянулись их старина, обшарпанность и грандиозность. В них она почувствовала историю, а еще умение жить и смотреть на мир иначе. «Обычный дом можно сделать таким, чтобы в нем было приятно жить», — Алина вспомнила страшненькие пятиэтажки в областном центре — потемневшие фасады, хлипкие рамы, покосившиеся двери подъездов. Она будто снова ощутила запах тех подъездов и поморщилась.

— Мам, я понимаю, что история, войны... Но почему нельзя было архитектуру другую выбрать. Понимаешь, тут даже руины другие.

— Вы не видели здешних коммуналок. Вот где трэш, — опять включился в разговор таксист, — и сделать ничего нельзя. У людей денег на ремонт таких потолков и окон не хватает. Понимаете, они так и будут жить среди старой проводки.

— А городские власти?

— Городские власти?! — со смехом переспросил таксист.

— Проблема глубже, — серьезно ответила Елена Владимировна, — и она не сейчас и не здесь возникла. Вы думаете, что в Венеции везде евроремонт во дворцах? Там подчас живут в одной комнате. Остальное тихо разрушается. Правда, если это памятник старины, то государство требует поддерживать его в надлежащем виде. Иначе — продавай! У властей денег на все сразу хватить не может. Но я думаю, что все равно город сохраняют. Здесь такие люди живут...

— А вот это правда, — согласился таксист и добавил: — Мы приехали. Вот ваш отель «Азимут».

За разговорами они преодолели пробку, проехали по Каменноостровскому проспекту, развернулись и, покружив в переулках, оказались на Малой Пушкинской улице. Алина вышла из машины и очутилась перед подъездом обычного доходного дома.

— Вон, видишь звоночек, — сказала Елена Владимировна, — нажми. Нам откроют.

Отель бы небольшим и занимал первый этаж то ли усадьбы, то ли дворца.

— Здесь раньше был приют, а до того церковь. Но случилось несчастье, и ее на этом месте восстанавливать не решились.

— Мама, а как ты нашла этот отель? И откуда ты это все знаешь? — изумилась Алина.

— Дочка, мы с тобой так редко виделись, пока ты в интернате была. А твоя мама вполне продвинутый пользователь ПК, да и в Гугле не забанена.

Алина рассмеялась — сленг в устах матери был непривычным и хулиганистым.

— А что на других этажах? — спросила Алина администратора, пока та заполняла карточку гостя.

— Жилой дом, а последний этаж — офисы. Но у всех у них отдельные входы. Так что наших гостей никто не тревожит.

— У вас здесь очень атмосферно, — важно сказала Алина.

— Да, у нас такая планировка, что поневоле проникнешься. Например, ресторан, где вы будете завтракать, — это центральный неф бывшей церкви. А номера располагаются в пристройке — там жили воспитанники приюта. А еще здесь была конюшня. Даже не конюшня, а каретная. Так вот, она тоже сохранилась. Там сейчас у нас

гостиная. Мы даже сделали камин и выход в маленький дворик. Туда ворота этой самой каретной выходили.

— Здорово, надо будет там вечером посидеть! — воскликнула Алина.

— Милости просим! — радушно ответила администратор и протянула им магнитные ключи.

Комната была небольшой, уютной, окно выходило в маленький дворик. Алина выглянула туда: дворик чистый, но стены домов закопченные. Окна лестницы узкие, с коричневыми рамами, мутные.

— Неопратно...

— Алина, к сожалению. Но здесь это не играет никакой роли. Конечно, лучше было бы, если жильцы этого дома в один прекрасный день помыли окна. Или жэк бы это сделал. Но увы! Кстати, это черный ход. Тот самый, по которому приносили зелень, мясо, молоко, а в революцию спасались бунтовщики...

— Да лучше бы не было той революции.

— Не повторяй чужих глупостей. Никто не знает, как лучше. Максимализм в оценках — это очень плохо, тем более когда речь о таких исторических событиях.

— Я забыла, мама, что ты все знаешь, — язвительно сказала Алина.

— Ты забыла, что я старше тебя и что я — твоя мама. Поэтому не язви. И вообще, давай не будем ссориться. Глупое занятие. Мы сюда приехали сделать важное дело. И должны быть поддержкой и опорой друг другу.

— Извини. — Алина подошла к матери и чмокнула ее в щеку. — Но, правда, почему тогда строили так, а теперь — иначе? Почему у нас в области телефона нет? Только мобильная связь. Что, те, кто революцию делал, телефон не могли провести в нашу деревню? Ты же сама в школу бегала звонить. И когда я болела в детстве, и потом, когда надо было срочно с отцом связаться. Нет,

я многого не понимаю... Ни про революцию, ни про эту жизнь...

— А может, и не надо? Вон у тебя экзамены на носу.

Забегая вперед, надо сказать, что Алина поступила в институт. Сдав основные экзамены на четверки, она все равно прошла по конкурсу — Новгородцеву уже знали. Она была надеждой юниорской сборной. В институте, где она в будущем должна будет появляться только на экзаменах, бережно относились к олимпийским надеждам. После экзаменов Алине было немного стыдно — она сильно не напрягалась и даже не волновалась. «Ну, провалюсь, тогда буду поступать на следующий год!» — думала она. В ее голове были только сборы и соревнования. Главным был спорт и достижения в нем. Но это все произойдет в начале июля. А пока был только июнь, и Елена Владимировна с Алиной, проснувшись на следующий день рано утром, решили не вызывать такси, а добраться до квартиры «своим ходом».

Они вышли из гостиницы, прошагали до улицы Ленина и по Большой Пушкарской добрались на Каменноостровского проспекта. Этот путь предложила именно Елена Владимировна. Она хотела, чтобы они вышли на проспект в таком месте, чтобы у Алины дух захватило. Так оно и случилось. Большая Пушкарская тоже была внушительной, но все же она не могла сравниться с площадью Льва Толстого. А именно там они свернули с Большой Пушкарской на Каменноостровский проспект.

— Красота какая! — воскликнула Алина, оглядев площадь.

Елена Владимировна польщенно улыбнулась. Слово она была владелицей всего этого архитектурного великолепия. Она втайне мечтала, чтобы ее дочь поняла и полюбила этот город.

— Да, это потрясающее место, а мы пройдем туда дальше, там много красивых домов.

— И квартира, которую мы смотрим, может быть в таком доме?

— Нет, она в доме, который построили в пятидесятих годах. Он большой, с лепниной и башенками. Так называемый сталинский ампир. Раньше там коммуналки были. Но потом их выкупили, расселили, и теперь там в основном отдельные квартиры.

— Тоже хорошо. Знаешь, я бы не хотела жить в таком доме, как у Ирки Кузнецовой.

— Увы, такие дома в Красноярске строили как временное жилье. Но люди так и остались там жить. Или кто-то переезжал в новый хороший дом, а кто-то вселился во «временный».

— У них ужасно — и в подъезде, и на лестнице.

— Как тебе уже сегодня рассказали, в Петербурге есть страшные подъезды в красивых старых домах.

— Даже не верится, что в этом доме может быть так, как у Кузнецовых. — Алина показала на знаменитый «Дом с башнями».

— Словно средневековый замок, да? — сказала Елена Владимировна. — Впрочем, тут сочетание стилей. Готика, романский стиль... Одним словом, эклектика...

— А здесь живут?

— Здесь театр сейчас, офисы, люди тоже живут.

— Повезло...

— Знаешь, если квартира, которую мы идем смотреть, окажется хорошей, нам тоже повезет. Видишь ли, этот дом стоит на Черной речке...

— На Черной речке? — переспросила Алина.

— Ну да... Место известное...

— Почему? Чем известное? — переспросила Алина.

Елена Владимировна даже остановилась. Она секунду молчала, а потом осторожно спросила:

— Ты не знаешь, что случилось на Черной речке?

— Ну.. — протянула Алина, — что-то слышала...

— Алина, а что ты слышала? Не припомнишь?

Новгородцева честно постаралась, но ничего не вспомнила. Хотя чувствовала, что это название с кем-то или с чем-то связано. Елена Владимировна даже покраснела, ей казалось, что дочь ее разыгрывает.

— Алина, вообще-то вы должны были это в школе проходить. Классе в пятом, шестом.

— Наверное, проходили, но я могла быть на сборах, на соревнованиях.

— Алина, в пятом или шестом классе у вас не очень много сборов было. Соревнования проходили, да... И все же ты читала учебник, отвечала у доски, писала контрольные и тесты.

— Мама, я помню, что это с чем-то связано... но вот с чем... А потом, в пятом классе у меня самый трудный год в секции был. Помнишь, я вдруг толстеть стала, у меня результаты снизились...

— Алина, какие результаты? В пятом классе у вас все было на уровне самостоятельности... — горячася, воскликнула мать.

— Это у них так было...

— У кого? — не поняла Елена Владимировна.

— У остальных. А у меня все серьезно было. Я тогда из штанов выпрыгивала, чтобы поехать на школьную олимпиаду.

— Слушай, у тебя ведь по литературе пятерка была в том году? Я же помню.

— Да, а по русскому чуть «пара» не случилась. Но потом пожалели, дали тесты написать еще раз...

— И поставили четыре... — закончила за нее Елена Владимировна.

— Да, так что все хорошо...

— Алина, на Черной речке на дуэли был убит Пушкин. Александр Сергеевич.

— «Закатилось солнце русской поэзии!» — подхватила Алина радостно. — Вот помню эту фразу, а про Черную речку — нет. Наверное, я тогда была на сборах.

— Кошмар... — в совершенном отчаянии прошептала растерянная Елена Владимировна.

— Мам, да что стряслось? — удивилась Новгородцева.

— А когда была Полтавская битва?

— Понятия не имею, — пожала плечами Алина.

— А буржуазная революция в России?

— В 1905 году, — довольно ответила Новгородцева.

— Отлично, — кивнула Елена Владимировна, — но как не знать про Черную речку?!

Алина пожала плечами:

— Мама, теперь я запомню. Понимаешь, я не могу знать все.

— Дочка, есть культурные коды. Бывают коды национальные. Они должны быть у каждого человека, который живет на этой земле. Алина, я даже боюсь спросить, кто написал «Муму»?

— Тургенев. Про это даже анекдот есть...

— Ах, если анекдот...

— Мама, слушай, давай больше не будем на эти темы разговаривать. Мы поссоримся. Понимаю, тебе не нравится, что я такая необразованная. Но это же не только моя вина!

— Что?! — Елена Владимировна в изумлении уставилась на дочь. Казалось, этот день будет полон открытий.

— Ты глаза так не округляй... Когда ты сердилась, ты всегда так делала, а я терпеть этого не могла. Приедешь из интерната на два дня, а ты обязательно с такими глазами по дому ходишь. Вот я и не понимала — за что ты сердиться. Меня же вообще не бывало дома. Я же все время в интернате.

— Алина, но по-другому нельзя было. У нас же в деревне только четырехлетка...

— Да знаю я. Но почему вы сюда не переехали?

Теперь Алина стала сердиться.

— Ты посмотри! — Она повела рукой, словно хотела обнять всю эту площадь Льва Толстого.

— На что посмотреть?

— На этих ребят! Понимаешь, они тоже могут не знать про Черную речку...

— Не могут не знать... Каждый культурный человек в курсе, что это такое... А моя дочь — не знает! Мы с отцом даже не могли себе представить, что такое возможно!

— Хорошо, я плохая... Но что я видела? Нашу деревню. Красноярск.

— Огромный город, в котором есть все — библиотеки, музеи, театры... Было бы желание поинтересоваться этим всем.

— Так почему вы с папой ни разу не сводили меня в театр? Или не записали в библиотеку?

— У нас книг в доме больше, чем в любой библиотеке. Что ты читала?

— То, что ты мне рекомендовала, — парировала Алина.

Елена Владимировна с укором посмотрела на дочь:

— Алина, мы с отцом работали. Но мы всегда читали и вслух обсуждали книги, фильмы, музыку. Ты же все это могла и должна была слышать.

— Я была занята, — спокойно ответила Алина, — я забыла про Черную речку, но я изучила анатомию конечностей человека. Я знаю все про сосуды человека, про его возможность дышать. Про то, как пробежать на лыжах дистанцию и не упасть в обморок на финише. Правда, это не всегда помогает. Мама, я очень много знаю. Ты даже не представляешь сколько. Но ответ все же, почему вы не уехали? Понимаешь, живи я в этом городе, я была бы другой. Кто знает, может, все сложилось бы иначе. И отец дольше бы жил.

Алина перевела дух, а потом продолжила:

— Мама, я читала. Но мало и только то, на что хватало сил. Я была в других городах, но я не видела их. Только спортивный зал, бассейн, лыжню. И падала без сил в конце каждого дня. Я знаю все про травмы и стертые ноги. Мама, я видела тренировки с одиннадцати лет. И зимой, и летом. И еще я знала свою цель — одну-единственную. Победить. Не важно, на каком соревновании и на какой дистанции. Победить — это было и остается самым главным. Мама, у меня всегда есть цель. Но она появилась, наверное, потому, что я ничего не видела и не знала — только деревню, лес, поля в снегу, реку. Меня питало только это. Я не видела и не представляла возможностей. А природа дарит силу. Она придает твоим планам размах. Я навсегда запомнила, как пробежала на лыжах свою первую дистанцию. Понимаешь, я бежала, и мне казалось, что я мчу по нашему полю. От дома до леса. И сколько раз я это делала! Представляла, что это соревнования. Знаешь, я, наверное, не очень волевой человек. Я выбрала себе то, что мне по силам. А это спорт. Где надо быть стратегом, но вовсе необязательно быть интеллектуалом.

— Алина, тысячи людей живут в маленьких заброшенных деревнях. Но они грамотны и образованны. Они

делают карьеру. Если тебе станет легче, то признаю нашу с папой вину. Надо было уезжать. Надо было думать о тебе. Но в нашей жизни была работа, а в ней — размах.

— Да, конечно, работать в школе-четырёхлетке — это размах. Особенно после университета. Я понимаю.

— Алина, родилась ты, а папа не мог жить без своей работы. Понимаешь, мы уехали, потому что, казалось, не было выхода. А потом поняли, что в тех местах есть все, что нужно нам. Интересное дело, преодоление, гигантские задачи... а школы, кстати, не было. Вообще казалось, что жизни нормальной там никогда не будет. Вся страна разрушалась. А там, представляешь, что-то строили, возводили. Я даже представить этого не могла. В том, что нас окружало, тоже был размах. Один Енисей чего стоит! А оказалось, тебе всего этого недостаточно... Отец полюбил эти места, научил меня видеть там только хорошее, к плохому и трудностям относиться с пониманием и терпением. Он и тебя всему этому учил. Если бы не он — ты и к спорту не пристрастилась бы.

— Это правда. Только теперь получается, что этот спорт что-то вроде неприличной профессии. Стыдиться надо.

— Я не об этом говорила. Я о том, что человек должен быть гармоничным. И стыдно не знать, что значит для литературы Черная речка.

— Господи, мама! Ты точно педагог! И что, мы так и будем ругаться? Мы сюда зачем приехали? Квартиру смотреть?

Новгородцевы шли пешком. В пылу разговора они даже не заметили, как миновали Дом Эмира (Елена Владимировна так хотела показать его дочери) и реку Карповку. Они не заметили старые дачи-особняки, не обратили внимания на дом, где работал Опекушин и где

сохранились мастерские скульпторов. Они дошли до Большой Невки, миновали Ушаковский мост, и тут Елена Владимировна вытащила из сумки бумажку.

— Так, на углу Салтыковского сада нас будут ждать.

— Ну наконец-то, — облегченно выдохнула Алина.

Настроение у нее испортилось — досадный пробел в знаниях заставил ее засомневаться в себе. «Действительно, что за профессию я себе выбрала? Спортсменка-лыжница. Или тренер. Одно другого лучше. Но что теперь-то делать?» — думала она, прислушиваясь, как мать разговаривает с подошедшей дамой-риелтором.

— ...Мы готовы к сделке. У нас нужная сумма есть. Вы знаете, я даже раритет продала. У мужа «Волга» была. В идеальном состоянии. Он ее в соседней деревне купил. Там владелец так берег ее, не ездил никуда. Как сказал покупатель мне — у вас машина в коллекционном состоянии. Так что мы готовы...

«Господи, мама, да кому это интересно!» — Алине стало неудобно за Елену Владимировну. В такой ее откровенности Алина увидела провинциальность. «Вот почему они не переехали сюда!» — сотый раз за сегодняшний день подумала Новгородцева.

Пока Алина с матерью внимательно осматривали двухкомнатную квартиру на улице Савушкина, недалеко от станции метро «Черная речка», Ира Кузнецова тащила домой тяжелую сумку. В сумке было четыре килограмма клубники. Из нее мать Кузнецовой собиралась делать компот. И хотя в магазинах даже зимой можно было купить ягоды и фрукты, традиция эта строго соблюдалась. Пошла она еще от Ириных бабушки и прабабушки.

Открыв дверь в подъезд, откуда пахло сыростью подвала, чем-то тухлым и едой, Ира поморщилась. «Го-

споди, да что ж это такое!» — подумала Кузнецова. Аккуратно поставив сумку с клубникой на землю, она нашла большой камень и подперла им открытую дверь.

— Ирка, опять за свое! Ты зачем дверь распахнула! Вот жила бы на первом этаже, как мы, так бы не делала! — тут же закричали ей.

— Баб Света, да сил нет эту вонь терпеть. Пусть проветривается. А вы все равно в окне весь день торчите, вот и покараулите, чтобы чужие в подъезд не зашли, — ответила Ира.

Она знала, что соседка выйдет и уберет камень. Дверь опять захлопнется, и в подъезде будет стоять привычная вонь. Еще Ира знала — ни запах, ни вид этих стен и потолков с подтеками не изменятся. Ремонт здесь не сделают, подвал не осушат, трубы не поменяют. Их дом последние лет двадцать был признан аварийным, но людям новое жилье давали редко. Две или три семьи всего переехали, остальные жили как прежде. Кузнецова ждала, пока ей исполнится восемнадцать, чтобы можно было заняться самым важным делом — написать жалобы во все инстанции, включая московские, и потребовать, чтобы либо сделали капитальный ремонт в доме, либо всем дали новые квартиры. «Власти виноваты, но и люди хороши — даже не мяукнут», — сердилась Ира.

Войдя в дом, она тщательно вытерла ноги, потом отнесла клубнику на кухню. Оглядевшись, немного успокоилась. В квартире было гораздо лучше, чем в подъезде. «Вот очень правильно, что мы на пол положили плитку, а рамы заменили на стеклопакеты. Совсем другой вид. И нет этих страшных заляпанных краской шпингалетов. И мыть их легко, не боишься, что развалятся», — подумала Ира. Ремонт они закончили недавно, в квартире еще стоял запах краски, побелки и вообще новой жизни.

Ира в семье считалась «взрослой» — отец и мать уважали ее мнение и во всех вопросах советовались с ней. Делалось это без нарочитости, как порой бывает у родителей, играющих в демократию. Людмила Михайловна и Егор Петрович искренне считали, что дочь — человек ответственный. Более того, они прислушивались к ее суждениям, полагая, что новое поколение умеет распознавать проблемы раньше и реагировать на них проще. Конечно, такое доверие возникло не сразу, а укрепилось после случая с зелеными насаждениями.

Как-то весной работники ЖЭКа сгрузили во дворе штук двадцать деревьев-саженцев. Жильцы живо обсудили активность дотолы ленивых коммунальщиков и потеряли руки — теперь во дворе, кроме ржавых качелей и не до конца смонтированной детской площадки для малышей ясельного возраста, будет еще и зелень. Кузнецова шла из школы, когда толпа во дворе решала, куда сажать деревья. Ира остановилась, послушала всех, потом подошла к саженцам. Что-то там долго рассматривала, а потом громко сказал:

— Зря радуетесь. Это тополя. Обычные тополя. Между прочим, в больших городах их не сажают. Они аллергенны, много мусора от них. И вообще, сорное это дерево. Нельзя их во дворе сажать. В пуху и клейких почках будем все.

Жильцы затихли. Потом кто-то попытался цыкнуть на Иру, но его осадили. Люди заговорили про детей, их диатезы, потом вспомнили, как мальчишки поджигают этот самый пух.

— А ведь Ирка права, — первой вслух сказала баба Света, — у нас же на первом житья не будет. Его же, пух этот, за год не выведешь!

Толпа загудела, и самые активные потянулись в ЖЭК. Через какое-то время саженцы исчезли. А жители

(не все опять же, самые деятельные) привезли с участков своих разную зелень и успешно высадили ее под своими окнами.

— Чем бодаться с ЖЭКом, лучше самим это сделать. А они пусть вопросы серьезные решают.

Так Ира Кузнецова стала полноправным участником всех собраний жильцов и человеком, которого на мякине не проведешь. А родители вдруг поняли, что дочь выросла умной, спокойной и деловой. Отец как-то ее спросил:

— Ты куда учиться пойдешь? После школы.

— Я не знаю. Мне многие предметы нравятся. Но я должна понять, что в жизни мне пригодится.

— Врачом пригодится, — вмешалась мать.

— Да, кстати, — согласился отец, — работа всегда будет. Люди сами со своими слабостями не справляются.

— Папа, я если уж пойду в медицинский, то не на нарколога или дерматолога-венеролога.

— Еще есть гастроэнтерологи. Тоже доктор из тех, кто лечит слабости, — рассмеялся отец.

Но Ира осталась серьезной:

— Понимаешь, папа, у профессий, в которых главное навык, то есть есть элемент ремесла, очень низкий потолок. Например, хирург может быть только прекрасным хирургом. Ну станет он профессором. Но, согласишься, ты ляжешь не к профессору, который читает лекции и пишет работы. Ты к практикующему врачу пойдешь. Который у операционного стола как у станка стоит. И руку себе набил. А вот филолог может заниматься всем и еще научной карьерой. И рост здесь почти неограниченный.

Егор Петрович слушал внимательно — дочь в чем-то была права. Но, самое главное, становилось понятно, что она об этом размышляла. Значит, думает о будущем серьезно.

— Знаешь, как решишь, так и будет, — совершенно спокойно произнес отец, — думаю, ты разберешься.

И к десятому классу Кузнецова «разобралась» — она решила поступать в Красноярский педагогический университет. Выбрала исторический факультет, памятуя, что в случае чего и в школе можно работать, а можно и научную карьеру делать. Или и то и другое разом. Еще Ира любила спорт. Собственно, когда-то он был ее единственным серьезным увлечением. В пятом классе она перешла в спортивную школу-интернат, где и познакомилась с Алиной Новгородцевой. Их дружба была крепкой, но недолгой — Ира не выдержала опеки Алины. Что удивительно, никто не понимал, почему это вдруг весьма средняя и не очень организованная ученица вздумала шефствовать над почти отличницей и активисткой. Новгородцева всем рассказывала, что Кузнецова просто завидует ее успехам в спорте. Этому мало кто верил. Все знали: Кузнецова показывала результаты не хуже, но всегда подчеркивала, что никогда не пойдет в спорт. Родители Иры огорчились, когда узнали, что дочь больше не дружит с Алиной.

— Знаешь, ее отец был удивительным человеком. Его многие знали и ценили. И мама очень приятная. Вообще семья у них была «настоящая». Они ведь из Петербурга к нам приехали, да так и остались. Не все столичные жители на такое способны.

— Алина — хорошая, но с ней тяжело, — вздохнула Ира, — понимаешь, она совершенно не думает о других. Она у себя на первом месте.

Экзамены в педагогический университет начинались в середине июля. Кузнецова еще весной сдала сочинение и историю, набрала максимальное количество бал-

лов, и теперь ей осталось только два экзамена. «У меня еще две недели. Успею все повторить, но затягивать с этим не надо. Вчера весь вечер прогуляла», — сказал себе Кузнецова, перекладывая клубнику из сумки в пластмассовый тазик.

Да, вчера вечером она гуляла с Быстрым Сашкой. Они столкнулись у рынка, рядом с магазином, который держал отец Иры. Егор Петрович вообще-то был инженером по образованию, но в девяностые попробовал себя в торговле, и дело пошло. Не очень круто, но на жизнь хватало. Его мечтой было заработать на новую квартиру семье, но цены на недвижимость росли с безумной скоростью. Ничего не оставалось, как только откладывать — на черный день, дочери на свадьбу, на новую машину. При этом Людмила Михайловна с некоторых пор ставила супругу в пример Новгородцевых, которые смогли себе позволить купить квартиру в Петербурге.

— Что ты хочешь?! — восклицал Кузнецов. — Впервые, Борис Иванович большим начальником был. Получал очень хорошо. И в деревне они жили — там все дешевле, жилье казенное, а главное, они «Волгу» эту легендарную продали, и купил ее не кто иной, как Белкин. А он денег не жалеет на такие вещи. Он же коллекционер.

— Да, это им повезло, что Белкин эту «Волгу» купил. Тут у нас таких денег нет. А Ира подрастает. Конечно, сейчас приданое не в моде, но вот квартирку бы...

— Вот именно, — вздыхал Егор Петрович.

После таких разговоров он начинал думать, как расширить торговлю, но через некоторое время бросал это занятие. «Надо сказать спасибо, что столько лет торгую. Вон за это время сколько народу разорилось, а я сижу в своем лабазе, и исправно у меня охотники и рыбаки покупают одежду и обувь. Ну и всякую мелочовку для

своих увлечений», — думал он. В городе было еще несколько магазинов, держал их главный конкурент Кузнецова, Апашин. Тот был человеком неприятным, но границ не переходил — в торговую тему Кузнецова не вторгался. Егор Петрович, в свою очередь, отвечал тем же. Он понимал, что рано или поздно вопрос с жильем станет остро — дочь росла и становилась красавицей. Было понятно, что замуж она выскочит быстро, разве что ее учеба сможет этому помешать. Кузнецова была упрямой и целеустремленной. И еще она действительно была красивой. Блондинка с вытянутым худым лицом, острым подбородком и очень красивыми синими глазами — она привлекала внимание. «Какой хорошенькой она стала!» — охала иногда мать. «Да уж, что надо!» — гордился отец. Ира рано поняла, что у нее красивое лицо, отличная фигура и что она нравится мальчикам. Сделав это открытие, какое-то время она пользовалась своими «чарами». Дразнила ребят в классе, если родители просили ее купить хлеба, она посылала за ним соседских мальчишек. Причем те еще и жребий бросали, кому идти — желающих было много. Иру это все забавляло. Она даже манеру приобрела — закатывать глаза, словно изумлялась глупости этих мальчишек. Впрочем, такое кокетство продолжалось не очень долго. Однажды, когда она была в седьмом классе, с ней на улице заговорил парень. Приятный, спокойный, доброжелательный. Он что-то спросил, она — ответила, потом они пошли вместе по улице, незаметно как-то он проводил ее до дома. На следующее утро Ира с несколько снисходительной усмешкой обо всем поведала Алине.

— Понимаешь, он, наверное, в классе десятом! — говорила Ира.

— Зачем он тебе сдался? — ревниво спрашивала Новгородцева.

— А что? Ну старше, ну и ладно... — пожала плечами Ира.

К ее удивлению и радости, вечером этот парень ждал ее в переулке у дома. Они опять перебросились словами, а потом парень приобнял Иру за плечи и сказал:

— Слушай, до сессии далеко, может, сходим потусуемся? Прикинь, у меня приятель купил лодку, сегодня обмывать будет. Пошли...

Ира замерла, потом слегка дернула плечом, но парень руку не убрал, а еще крепче обнял ее.

— Ладно тебе, — улыбнулся он.

— Ладно. — Тут у Иры прорезался голос. — Только у меня не сессия, а уроки в школе. Я в седьмом классе.

Парень отпрянул, словно обжегся об Ирино плечо.

— Ты школьница?

— Да, а что, не заметно?

— Вообще-то нет. Ты лет на восемнадцать тянешь.

— Ясно, — кивнула Ира, — а ты в каком классе? В десятом?

— Я в институте учусь. Второй курс. Инженер теплосетей.

— Мы оба трагически ошиблись, — рассмеялась Кузнецова.

— Знаешь, ты расти давай. Вот немного старше станешь, я тебя найду.

— Попробуй...

— А что пробовать? В одном городе живем.

— Договорились. — Кузнецова махнула рукой и пошла в сторону дома. «А он даже очень ничего. Симпатичный и... порядочный», — подумала она, открывая свой подъезд. Эта история послужила ей уроком. Ира поняла, что привлекательна и может нравиться не только своим однокашникам и пацанам из родного дома. Она может привлекать и парней постарше. А потому с

этого дня в ее облике и поведении появилась подчеркнутая сдержанность.

— В монахини готовишься, — съязвила Новгородцева.

— Проблем раньше времени не хочу, — улыбнулась Кузнецова.

Но все же, стоя у зеркала, Ира радовалась, что косметика ей не нужна, любимые булки она может есть сколько угодно, а самая выигрышная для нее одежда — короткие юбки и шорты. Кузнецова выросла теперь с умом. А в школе учительница литературы как-то сказала, что Ира похожа на модель художника Модильяни:

— Модель и возлюбленная художника была рыжеволосой. Мы это видим на портретах его работы. Наша Ира Кузнецова, между прочим, удивительно на нее похожа. Только блондинка.

Ира долго рассматривала подслеповатые портреты и изумлялась, как сквозь время и годы облик одного человека перешел другому. Она действительно была почти копией той парижской красавицы.

И может, этот парень и нашел бы ее, но судьба распорядилась иначе. Ира иногда помогала отцу — то документы в налоговую отвезет, то постоянному покупателю покупку доставит, то просто за прилавком час-другой постоит. И в один из таких дней она нос к носу столкнулась с Сашей Быстрым.

— Отца навещала? — поинтересовался тот.

— Да, помочь надо было. Он спину застудил, тяжело за прилавком.

— А, — сказал Быстров, а Ира рассмеялась.

— Бэ!

— Куда теперь идешь? — не отреагировал на ее ответ Быстров.

Ира растерялась. Вообще-то она хотела зайти в торговый центр в отдел белья. Надо было кое-что посмотреть и купить. Тем более отец только что подкинул ей немного денег.

— Так куда? — повторил свой вопрос Быстров.

— Хотела пройтись, потом в магазин...

— В какой?

— Да что ты пристал? В магазин, и все... — рассердилась Ира.

Она чувствовала себя по-идиотски. Саша Быстров был очень красивым. И спортивным, и отлично одевался. Он вообще отличался от мальчишек-одноклассников. «Это, наверное, потому, что он уже совсем самостоятельный человек — и на соревнования давно ездит, и живет сам. Родители по экспедициям все разъезжают», — подумала Ира, разглядывая Быстрова. Она вдруг почувствовала, что краснеет.

— Ты на солнце сгорела, что ли? — поинтересовался Быстров, глядя на заалевшие уши Кузнецовой.

— Да, — соврала та, — я вообще быстро сгораю.

— Это ты зря, — авторитетно произнес Быстров. — Я вот читал, что солнце очень вредно для здоровья.

— Ага, особенно с нашей зимой. Тут ждешь не дождешься лета, а еще и от солнца прятаться.

— Ну, это же не я придумал, это так специалисты говорят, — пожал плечами Сашка. И Ира поняла, что всегда самоуверенный и высокомерный Быстров смущается.

— Да, я тоже что-то такое слышала. Правда, это касалось солярия. Там эти лампы, они могут быть старыми, — пришла на помощь Быстрову Ира.

— Вот-вот, — оживился тот, а потом добавил: — Но тебе загорать не надо. Ты такая белая... И волосы светлые...

Кузнецова вдруг смутилась. Она вообще не поняла, почему Быстров остановился, и уж точно не уяснила, почему он не пошел по своим делам. Например, к Марине Ежовой. Все знали, что у них отношения. Впрочем, подруга Новгородцева всегда хихикала, когда слышала это выражение. «Какие там могут быть отношения?! Трахаются, и все тут», — усмехалась она. Кузнецова же ничего не говорила — она чувствовала, что между Быстрым и пухленькой, всегда ленивой Ежовой действительно есть что-то значительное. Во всяком случае, это не дружба и не «потусоваться на набережной», не пошлый «интим», который нелеп и опасен в этом школьном возрасте. Ира так как-то и сказала Алине:

— Нет, они любят друг друга. И знаешь, я не удивлюсь, если они поженятся.

— Кто?! — удивилась Алина.

— Быстров и Ежова.

— Ты что, дура?! — грубо сказала Новгородцева. — Вот просто душой надо быть, чтобы такое сказать. Зачем она ему?!

— Она красивая... И очень... — Кузнецова старалась подобрать слово. — Женственная... нет, про таких пишут, что они сексуальные.

— Точно заболела! — всплеснула руками Алина. — Сексуальная! Господи!

— Ну, хорошо, я не знаю, как сказать, но они как-то смотрятся вместе.

Тот разговор закончился опять долгим ворчанием Новгородцевой, Ира больше молчала — она знала, что Алину не переспоришь. Сама Кузнецова осталась при своем мнении — Ежову и Быстрова можно было назвать парой.

И вот сейчас Саша Быстров не только никуда не спешит, но и старается завязать разговор, смущается и вообще ведет себя совершенно необычно.

— Саш, а ты сам куда шел? — спросила Ира.

— Я?.. Я по делам. А потом тебя увидел. Понимаешь, у меня картридж сдох, новый купить надо, а распечатать работу по истории нужно. И еще...

— Ясно, — улыбнулась Ира. — Тогда нам по дороге, я тоже в торговый центр.

Ира поняла, что белье сегодня купить не судьба, к тому же оно подождет, а поведение Быстрова раззадорило ее любопытство.

— Здорово, пойдем ходим. Кстати, тесты по истории не очень сложные, — серьезно заметил Саша.

А Ира чуть не расхохоталась — Быстров прежде не был склонен обсуждать школьные уроки. Его темами были спорт, музыка и развлечения. Но вслух Ира очень доброжелательно заметила:

— Да, верно. Мне тоже так показалось.

— Я, правда, еще не все сделал, вечером добью.

— Какой ты молодец! Я еще и не начинала, — уже совершенно бессовестно польстила ему Кузнецова.

Быстров даже покраснел.

Они не спеша шли по улице, Ира тайком поглядывала вокруг. С одной стороны, хотелось, чтобы их вместе увидели, с другой — ни к чему, чтобы об этом узнала Марина Ежова. Та была неплохой девчонкой, и все знали, что она очень влюблена в Быстрова. Кузнецова даже хотела спросить Быстрова, не обидит ли он Марину, если вот так будет прогуливаться по городу, но потом спохватилась. «Он скажет, что это не прогулка, случайная встреча, которая ничего не значит. И я буду в дураках. Поэтому я промолчу, посмотрю, что будет дальше», — решила про себя Ира. Быстров тем временем стал рассказывать про свои тренировки.

— ...в мороз бежать очень тяжело. И многое зависит от физической подготовки. Поэтому нас гоняют здоро-

во. Особенно в экстремальных условиях. Например, в жару. Знаешь, в тридцать градусов кросс бежать — это не очень просто.

— Я себе представляю. Надо быть здоровым.

— Навык и закалку надо иметь. Так говорит мой тренер. Я с ним согласен. Знаешь, я вообще думаю, что закалка или там выносливость — в жизни главное. Если это есть, то остальное фигня.

— А как же знания? Ты же понимаешь, сейчас без знаний — никуда. Ни карьеру сделать, ни денег зарабатывать

— Спортсмены хорошо устроены. Даже если они не в первом эшелоне.

— Мне Алина тоже так говорила. Но я и с ней не согласилась. Вечно спортом заниматься не будешь.

— А ты деньги не фукай, в бизнес их вкладывай.

— Это как актеры. Они любят в ресторанный бизнес свои гонорары вкладывать.

— Откуда знаешь?

— Читала. — Кузнецова почему-то смутилась. Показалось стыдным читать в Сети всякие сплетни об известных людях.

— А я думал, что у тебя знакомые такие есть.

— Откуда? — искренне удивилась Ира.

— Ты красивая. Мало ли, куда поступать собралась.

— Ага, в актрисы! — рассмеялась Кузнецова.

— Ты запросто пройдешь. У тебя внешность подходящая.

— Там еще надо уметь играть. У нас поэтому и кино такое, без слез смотреть нельзя.

Так, за разговором они дошли до торгового центра. Войдя в большие стеклянные двери, очутились в прохладе, в ароматах духов и кофе. Ира давно заметила, что хорошие торговые центры пахли аппетитно и являли собой

некое подобие праздника. Исключение составляли выходные дни, когда толпы семей устремлялись сюда что-то прикупить, поглазеть на витрины и засесть на фудкорте. Там дети давали волю капризам, родители потягивали пиво и рассматривали окружающих. Кузнецова терпеть не могла такое времяпрепровождение. Она считала его бессмысленным и вредным. Даже ее мать как-то сказала:

— Знаешь, вот мне много лет, а и я бы хотела так часок-другой посидеть, никуда не спешить, ничего не делать и точно знать, что посуду после этой еды мыть буду не я.

— Мама, я давно говорю, давайте купим посудомоечную машину! — отреагировала на это Кузнецова.

Мать только махнула рукой.

Сейчас в огромном магазине было тихо. Звучала мелодия из отдела нот (был и такой здесь), вкрадчиво шумел пылесос, работающий в рекламных целях, и шуршала машина, протирающая полы.

— Хорошо, — сказала Ира, — ни-ко-го!

— Да, я тоже толпу не люблю, — в очередной раз согласился с ней Быстров.

— Ну что? Ты за картриджем? Это здесь же на первом этаже. А мне, наверное, на второй.

— Так, подожди, я быстро. И вместе пойдем... — сказал Быстров.

Кузнецова растерялась. Быстров набивался в спутники и явно проявлял интерес. «Прощайте, трусы и бюстгальтер! Не при нем же их покупать!» — подумала Ира, а потом неожиданно спросила:

— А где Марина?

Сашка открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ира его опередила:

— Слушай, я не хочу, чтобы она нас увидела. Или кто-нибудь другой из школы. Ведь сплетни пойдут.

— Ирка, ты даешь! — опомнился Быстров. — Что мы такого делаем? В магазин пришли.

— Знаешь, мы с тобой прошли три квартала, сейчас будем здесь тусоваться. Если бы мне парень нравился и я бы увидела такое, я бы не обрадовалась. Да и ты бы тоже.

— Слушай. — Быстров остановился. — Ты бы знала, как меня достали эти разговоры о Ежовой.

— В каком смысле? — удивилась Ира. — По-моему, все так привыкли, что вы вместе, что и разговаривать скучно об этом.

— И что теперь?! Кто говорил, что это навсегда? Маринка — нормальная девчонка, она тоже все понимает.

— То есть вы договорились, что если что — без обид? Ну, она встретит кого-нибудь, ты тихо в сторонку отвалишь? — ехидно спросила Ира.

— Я бы и сейчас уже отвалил, — пробормотал Быстров.

— Ого! Но, знаешь, я не хочу обсуждать ваши с ней дела.

— А я и не обсуждаю. Ты спросила, я ответил.

— Как-то нехорошо получается. У вас какие-то проблемы, а обсуждаешь ты их со мной.

— Да ладно...

— Саш, давай иди за своими картриджами, а я пойду по своим делам.

— Ну, как хочешь... — Быстров пожал плечами, посмотрел в сторону.

Кузнецовой стало стыдно. Она подумала, что скорее всего Быстрову не с кем поделиться своими проблемами. «Действительно, ну не родителям же рассказывать, тем более не ребятам из класса. Да и сплетен он боится». Ира вдруг загордилась тем, что именно ее Быстров выбрал в поверенные.

— Ладно, давай так. Ты свои покупки делаешь, я — свои и встречаемся с «Макдоналдсе» на последнем этаже.

— Да, давай, — явно обрадовался Быстров, — там слопаем что-нибудь.

— Нет, я не голодная. — Ира поспешила отказаться.

Она не знала, есть ли у Быстрова достаточно денег, а самой платить за себя и за мальчика ей казалось неприличным. Ире вообще были чужды идеи и принципы феминизма.

— Ну, колы можно выпить, — сказал Быстров.

— Это можно, — согласилась Ира.

Они разошлись по этажам. Но Ира, поднявшись в отдел, не стала ничего покупать. Сосредоточиться она не могла, и о примерке речи не было. Ее мысли крутились вокруг этой, в общем-то, странной встречи с Быстровым, прогулки с ним и разговоров. В глубине души ей хотелось, чтобы эта встреча была не случайной, а разговор и настойчивость объяснялись не проблемами в отношениях с Мариной Ежовой, а интересом к ней, к Ире. Но пока Кузнецова ни к какому выводу прийти не могла, а потому она рассеянно перебирала белье, висевшее в отделе, и мельком посматривала на себя в зеркало. Ей не очень нравилось, что волосы у нее собраны небрежно и длинные пряди выпали из заколки. Ира их поправила, но так, чтобы не обнаружить желание приукрасить себя. Одета она была просто — в джинсы и футболку. Это одежда была ее любимой — она отлично подчеркивала фигуру.

Ира бродила по магазину и думала о Быстрове: «Зря на него наговаривали. Он не высокомерен. Но, с другой стороны, ему есть чем гордиться — все же чемпион области. Самый способный юниор. Как Новгородцева